

УДК 93/94

ПОНОМАРЕВА В.В.,
Россия, г. Москва

«Снабжать себя самих... и сей род независимости почитать действительным счастьем»: уроки рукоделия в закрытых женских институтах. 1764 г. - начало XX в.

В статье представлен общий обзор постановки уроков рукоделия в закрытых женских институтах Российской империи, их место среди других учебных дисциплин, и перемены в целях обучения на протяжении 150-летней институтской истории.

Ключевые слова: Российская империя, женское образование, Ведомство учреждений императрицы Марии, закрытые женские институты, институтки, учебная программа, рукоделие.

**Ponomareva V.V.,
Russia, Moscow**

“Supply themselves... and this type of independence take as real happiness”: needlework lessons in closed girl’s boarding schools. 1764 - beginning of 20th century

The article looks at the history of needlework lessons in the closed girl’s boarding schools of Russian empire, their place among other academic disciplines, and changes in the purpose of training during the 150-year institute history.

Keywords: Russian empire, women’s education, Empress Maria’s departmental establishments, closed girl’s boarding schools, educational program, needlework.

История женской государственной школы в Российской империи началась в правление Екатерины II, когда были учреждены Воспитательное общество благородных девиц (1764 г.) и его Мещанское отделение (1765 г.), – под общеизвестным наименованием «Смольный институт». Среди других учебных предметов немаловажное место занимало рукоделие. Устав Воспитательного общества, в которое принимались девочки привилегированных сословий, предписывал заниматься «шитьем и вязанием всякого рода» [13, с. 4], для «мещанок» также предписывалось воспитание «в приличных состоянию... знаниях и рукоделиях» [10, с. 18, № 12323].

Смолянки должны были уметь шить и вязать, заниматься «плетением шелковым, нитяным, шерстяным и бумажным», чулки, повседневное платье и «прочий убор» «иметь собственной работы». Однако это требование в Воспитательном обществе, очевидно, осталось на бумаге. Если для обеспеченных девиц рукоделие являлось, прежде всего, приличествующим досугом, то для многих учениц «мещанского» отделения полученные навыки зачастую были крайне необходимы. При выпуске «мещанки» получали приданое, сумма которого складывалась из отложенных при их поступлении в банк 50 руб. с процентами, а также денег, вырученных за продажу предметов «рукоделия или художеств», сработанных их руками.

Как указывает исследовательница Н.П. Мельникова, в женских институтах «рисованию и различным рукоделиям отводилось около 40% учебного времени» [6, с. 3]. Однако факты свидетельствуют о другом. Известно, что все учебные предметы в институтах делились на «науки» и «искусства». К последним относились музыкальные занятия, танцы, рисование, рукоделие и домоводство. В учебную сетку, по крайней мере, с начала XIX в. все «искусства», кроме рисования, не включались, и ими занимались в свободное от «наук» послеобеденное время. По всей видимости, подобная практика существовала и раньше, по крайней мере, с реформирования Смольного института в 1783-1785 гг. Комиссией П.В. Завадовского [11].

По мнению императрицы Марии Федоровны, воспитание в институте должно подготовить девушек из небогатого дворянства к самостоятельной жизни, «иногда полной лишений». Институт должен был выпускать своих питомиц «хорошо вооруженными для борьбы с этими лишениями», когда одним из средств было «умение хорошо работать». В младшем отделении воспитанницы должны были освоить вязанье чулок, шитье белья, плетение соломы и «делание из нее шляп», а в старшем – кройку белья, вышивание «разного рода», изготовление искусственных цветов и «всякого рода изящные работы» [7, с. 371-372].

Особое внимание уделялось рукоделиям в тех институтах, где основной контингент воспитанниц составляли сироты и дети небогатых родителей. К числу таких учебных заведений относился Мариинский институт. Здесь институтки во внеучебное время работали полтора часа ежедневно. Под присмотром особо приглашенной портнихи они учились шить и кроить казенные платья и корсеты, в старших классах вышивали на пяльцах гладью, шелками, шерстью, а младшие классы вязали чулки. Мариинки славились умением выполнять са-

мую тонкую работу: вышивали золотом церковную одежду, изготовили «шитый шерстями» ковер в Казанский собор в С.-Петербурге. Как вспоминала воспитанница Мариинского института, «у нас постоянно была работа во дворце» [14, л. 1 об.-2, 4].

С самого открытия института в 1797 г. в списке преподавателей значилась Агафья Филатова, мастерица по «художественной вышивке жемчугом и золотом» [5, с. 22]. Позже для преподавания изящных рукоделий в институт пригласили замечательную рукодельницу: «знающая, с тонким изящным вкусом», она «изобретала различные работы; шерстями, золотом, чешуей рыбьей, синелью вышивали». Под ее руководством вышивали «по батисту наволочки», по тюлю «разными швами: гипюрным, брюссельскими и другими; какие решетки трудные вставлялись, такая прелестная вышла камаль (*фр.* — *накидка с капюшоном*), что за границую показывала великая княгиня, и приходили все в восторг и удивление, что воспитанницы могут так работать»; вышивали подушки «по бархату», вязали кошельки, чехлы на стаканы, перья и чубуки. Но воспитанниц приучали и к «обыденной работе»: во время вакаций они вязали бумажные чулки, шили скроенные сорочки, по субботам, когда в институте ставилось только два урока, институткам после обеда раздавалось белье для починки [14, л. 9 об.-10]. Как вспоминала воспитанница Мариинского института выпуска 1827 г., во время своих работ девочки слушали чтение книг на французском языке: «Когда воспитанницы старшего класса вышивали в пальцах, одна из нас должна была вслух читать французскую книгу, а прочие слушать и работать, — не рассказ, а историческую из своей собственной библиотеки, работавшие... со вниманием слушали чтение» [14, л. 4-4об.].

Уже после первого выпуска Мариинского института его воспитанницы пополнили ряды профессиональных преподавательниц рукоделия. В списке учительниц рукоделия Воспитательного общества за 1802-1809 гг. находим сразу двух мариенок. Первый выпуск московского Екатерининского института, социальный статус учащихся в котором был значительно выше, также указывает на востребованность дворянками профессиональной подготовки. Так, закончившая в 1807 г. учебный курс с большим шифром Е.Г. Боголюбова преподавала вышивание в 1810-1821 гг. в Воспитательном обществе благородных девиц, а затем перешла на ту же должность в свой родной институт.

В непривилегированных московском Александровском и Елизаветинских институтах Москвы и С.-Петербурга также уделялось зна-

чительное внимание рукодельным работам, «посредством коих они могли бы впоследствии умножить способы к содержанию себя и своих семейств». Работы воспитанниц успешно продавались. Так, в 1840 г. выручка за них в московском Елизаветинском институте составила 485 руб. серебром [3, с. 14]. Вырученные деньги откладывались под проценты и вручались девицам с небольшим пособием на экипировку при выпуске из института. Институтки учили не только шитью платья и белья, но и их починке: «не токмо для того, чтобы обучить их сему рукоделию, но и дабы сделать в их привычку в личных своих нуждах не требовать пособия посторонних снабжать себя самих, сколько позволяют силы, и даже сей род независимости почитать действительным счастьем». Если оставалось время, то воспитанницы занимались заказами «для другого какого-либо училища или для людей частных» [2, с. 23].

Во время публичных экзаменов лучшие работы институток выставлялись для обозрения посетителей, часть из них предназначалась для подарков высочайшим особам. Император Николай I ежегодно жаловал 4 тыс. руб. ассигнациями на обучение рукодельям за поднесенные ему подарки. Его преемник Александр II также обращал внимание на необходимость практической подготовки институток. Воспитанница московского Александровского института вспоминала: «У окон стояли пьльца, на которых нас учили вышивать, а на большом столе лежали кучи сшитого и скроенного белья. Император спросил: “А чулки вы вязать умеете?”», и добавил: “женщине необходимо умение шить, кроить и вязать”» [4, с. 898-899]. Воспитанницам подавали пример их классные дамы. По правилам, во время урока они всегда присутствовали в классе, сидя сбоку от учителя за особым столиком, и занимались рукоделием.

В исследовании В.Д. Орловой утверждается, что материалы для вышивок «девочки покупали за свой счет» [8, с. 39]. Однако в действительности на приобретение материалов для рукоделия деньги выделялись из небогатого институтского бюджета. Так, в начале XIX в. на рукоделие в московском Екатерининском институте расходовалось до 1500 руб. в год (а в начале XX в. — всего 30 руб.) [7, с. 141].

Если в 1820-1850-х гг. преобладали занятия «изящными» рукоделиями, то позже обучение во всех институтах все больше стало приспособляться к практике жизни. По списку «Учительниц изящного и практического рукоделия» Мариинского института можно проследить, когда практические работы окончательно берут верх над «изящными». Так, с 1853 г. среди учительниц неизменно присутст-

вуют закройщицы, тогда как «вышивальщицы» исчезают, что говорит о том, что обучение рукоделиям приобрело более прикладной характер, отвечавший насущным требованиям повседневной жизни. В 1853 г. императрица Александра Федоровна решила прекратить обычай подношения дорогих рукоделий, но он изживался медленно. Вплоть до особого циркуляра 1869 г., запретившего «изготовление и подношение» изящных рукоделий, на них тратились немалые средства.

Впрочем, полностью обычай готовить подарки для особых случаев изжит не был. Так, в 1913 г. воспитанницы института московского дворянства вышивали скатерть для мецената, основателя их института, графа С.Д. Шереметева к его юбилею [9, л. 58 об.].

Обеспеченные институтки, не беспокоившиеся о своем будущем, нарушая правила, порой стремились избежать хлопот, связанных с кройкой и шитьем сложных вещей. Как писала Главноуправляющему Ведомства начальница привилегированного московского Екатерининского института, только приступившая к исполнению своих обязанностей, «воспитанницы не были приучены к рукоделию и, чтобы не шить самим, предпочитали вносить плату за шитье передников, рукавов и пелеринок. Я стараюсь постепенно все это вывести, обращая строгое внимание на уроки рукоделия, за которыми воспитанницы не только шьют белье, но и вышивают для своих передников отделки и вообще учатся исполнять разные полезные женские рукоделия» [12, л. 9-9 об.].

Занятия рукоделием все более приобретали практический смысл. В Смольном институте в конце XIX в. было установлено правило, чтобы каждая воспитанница младших классов сшила себе два комплекта белья, а в старших классах изучалась кройка и шитье платья [15, с. 482]. В 1893 г. была выработана особая программа для обучения воспитанниц рукодельным работам: вместо «изящных работ» институток обучали кройке и шитью, для чего классы были снабжены сантиметрами, линейками, манекенами. В привилегированном московском Екатерининском институте в трех младших классах изучались швы, штопка, метка крестом, в 4-м — кройка белья, в 3-м шились детские платья, в двух старших классах — кройка и шитье юбки и лифа из собственного материала. Чертежи, которые делались воспитанницами на уроках, они забирали с собой по выходе из института в качестве руководства для самостоятельной работы [14, с. 374]. Смолянка одного из последних выпусков вспоминала: «Штопать я научилась — аккуратно и даже красиво — в младшем классе Смольного института на уроках труда. Многому нас научили на этих уроках постепенно...

Вначале – пришивать пуговицы, крючки, петли, кнопки; позднее – прометывать петли, пришивать воланы, правильно распределять сборки, выворотный шов, бельевой... А с вышиванием так: сперва крестиком какой-нибудь несложный орнамент одним цветом; позднее – многоцветно, подбирая тона, оттенки. А там и вышивка “ришелье”... и, наконец, вышивка английской гладью» [1, с. 94].

На протяжении всей истории женских институтов в России уроки рукоделия оставались важной составляющей учебной программы. Постепенно сложные изысканные работы и изготовление предметов роскоши ушли в прошлое, а воспитанниц стали обучать важнейшим навыкам кройки и шитья, необходимым в повседневной жизни.

Примечания

1. Волков О. Рассадник благонравия и политесов // Родина. – 1989. – № 7. – С. 92-95.
2. Георгиевский Г.П. Московский Александровский институт. – М.: тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1905. – 223 с.
3. Журнал министерства внутренних дел. – 1841. – № 10.
4. Левицкая Ф. Из воспоминаний о московском Александровском ин-те // Исторический вестник. – 1900. – Т. 81. – № 9. – С. 894-906.
5. Личный состав Мариинского института с 1797 по 1897 г. // Карцов Н.С. Мариинский институт. 1797-1897 (исторический очерк). – СПб.: тип. С.-Петербур. градоначальства, 1897. – С. 1-27.
6. Мельникова Н.П. Содержание воспитания и художественного образования в Смольном и Екатерининском институтах благородных девиц конца XVII - 1 половине XIX века в полилоге культур: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – М., 2010. – 20 с.
7. Московское училище ордена св. Екатерины: 1803-1903 гг.: Исторический очерк / под общ. ред. инспектора классов В.А. Вагнера. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1903. – 560 с.
8. Орлова В.Д. Повседневная жизнь воспитанниц институтов благородных девиц во второй половине XIX - начале XX в. // Молодежь и социум. – 2012. – № 2(10). – С. 38-40.
9. Отдел Письменных источников Государственного Исторического музея. – Ф. 310. – Д. 150.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – Т. XVII (с 1765 по 1766 гг.). – СПб.: тип. II отд. Собств. его имп. вел. канцелярии, 1830. – 1137 с.
11. Пономарева В.В. Первая реформа Смольного института (из истории начального периода формирования системы женского образования в России). 1783-1785 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10. – № 6/1. – С. 29-36.

12. Российский Государственный исторический архив (Петербург). – Ф. 759. – Оп. 23. – Д. 284.

13. Бецкой И.И. Устав воспитания двухсот благородных девиц учрежденного Ее Величеством государынею имп. Екатериною Второю, самодержицею Всероссийскою, Материю Отечества, и протчая. – СПб.: Сенат. тип., 1764. – 22 с.

14. Центральный Государственный исторический архив (Петербург). – Ф. 414. – Оп. 3. – Д. 788.

15. Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц: исторический очерк, 1764-1914: В 3 т. – Т. 2. – Пг.: гос. тип., 1915. – 671 с.

УДК 94(47)/130.2

САЛЧИНКИНА А.Р.,
Россия, г. Краснодар

Изменение статуса героического образа генерала А.П. Ермолова в сознании российской общественности

В статье рассмотрен процесс трансформации статуса героического образа генерала А.П. Ермолова, для которого свойственна постоянная смена статуса и значения, начиная с XIX в. и вплоть до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: Россия, Кавказская война 1817-1864 гг., героический символ, процесс символизации, эволюция героического образа, генерал А.П. Ермолов.

**Salchinkina A.R.,
Russia, Krasnodar**

Changing status of heroic image of General A.P. Ermolov in the minds of Russian society

In article the process of transformation of the status of the heroic image of General A.P. Ermolov, characterized by permanent change of status and importance since XIX century and until today.

Keywords: Russia, Caucasian war of 1817-1864, heroic symbol, process of symbolization, evolution of the heroic image, General A.P. Ermolov.

Героические образы являются важным элементом любой войны. Будучи феноменом массового сознания, героические примеры необ-